

и отдамъ въ твои руки всю свою волю, все свое
существо. Но прежде — еще нѣсколько словъ.

Ничего не бойся. Что бы ни случилось,
помни: надъ нами теперь не властны ни люди,
ни время, ни смерть. Ибо то, что родилось
между нами, — вѣчно.

Я жду вечера. Жду той минуты, когда снова
увиджу твой силуэтъ въ полумракѣ театра.

Твой. Всегда твой.
Навѣки твой.

Р. С. Прочти и сожги. Прошу тебя —
сожги непременно.

МИТРА ПАПИЛИН

ПРОЧТИ И СОЖГИ

Митра Папилин

Прочти и сожги

<https://litres.ru/74517758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, конец XIX века. Всю ночь до рассвета светский человек пишет письмо чужой жене. Много лет он встречал её в одних и тех же гостиных и не замечал. Всё переменялось в сыром апрельском лесу за городом. Он вспоминает грозу в грошовой кофейне, ноктюрн Шопена в душной гостиной и меблированные комнаты на окраине. К утру он понимает: остановиться уже нельзя.

Это рассказ-исповедь о любви, которую приходится прятать, и о человеке, готовом за неё заплатить.

Содержание

Единственная глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Прочти и сожги

Единственная глава

Как странно, моя бесценная, моя единственная, оглядываться теперь назад, на ту глухую, беспросветную равнину, которую я еще совсем недавно называл своей жизнью... Сейчас, когда я пишу эти строки, за окном сгущаются летние сумерки, и в их теплом дыхании мне чудится твое присутствие. Я пишу, и сердце мое сжимается от того сладкого и мучительного трепета, который когда-то, в пору моей глупой и гордой юности, я считал выдумкой экзальтированных романтистов.

Мой прежний холодный ум, выточенный годами светской скуки, привыкший во всем видеть одну пошлость и мелкое тщеславие, теперь повержен во прах. Я пишу тебе эту исповедь не затем, чтобы оправдаться; мне хочется хоть как-нибудь, пусть неумело, поклониться той силе, что зовется любовью и что исцелила меня. Только теперь, узнав ее, я понял, как долго и как страшно я был слеп.

Мы ведь столько лет находились совсем рядом. Подумать только — сколько лет! Мы бывали в одних и тех же гостиных, дышали одним и тем же спертым воздухом, в котором сигарный дым мешался с дорогими духами и застарелой ложью. Мы сидели за одними столами, слушали, как звенит се-

ребро о фарфор и шуршат тяжелые шелка, и обменивались пустыми, ничего не значащими фразами. Я помню (или мне теперь кажется, что помню) твой профиль в полумраке театральной ложи, твой легкий кивок при встрече на Невском, когда колеса пролеток равнодушно обдавали мостовую брызгами мокрого снега...

Однажды, года три назад, за ужином у Корсаковых я весь вечер забавлял соседей по столу историей о молодом чиновнике, который проиграл казенные деньги и застрелился. Все смеялись — рассказывать я умел. Ты одна не засмеялась. Ты посмотрела на меня долгим, недоумевающим взглядом, и я, помню, счел тебя провинциалкой, не понимающей шуток. Ты была для меня одной из многих — изящной тенью в бесконечной, утомительной веренице лиц. Мой цинизм и моя душевная лень застилали мне глаза, как бельмо.

А потом наступил апрель.

Ты ведь помнишь тот день?.. Какой уж там апрель салонных романсов! Наш был сырой, настоящий, пахнущий талым снегом. Мы выехали за город с компанией общих знакомых, чьих лиц и имен я теперь не могу (да и не хочу) припомнить. Как вышло, что мы вдвоем отстали от этой щебечущей толпы и свернули на лесную тропинку? Не знаю. Должно быть, так было угодно Богу.

Лес только-только пробуждался, и в этом тяжелом, трудном его воскресении была какая-то грубая, первобытная правда. Под ногами хлюпала рыжая раскисшая глина попо-

лам с почерневшими прошлогодними листьями. В ложбинах еще лежали ноздреватые, изъеденные пласты грязного снега, похожие на туши каких-то огромных издохших животных. Твои городские ботинки тотчас покрылись липкой грязью (я помню, как ты оступилась и тихо ахнула и как я подхватил тебя под локоть — машинально, еще совсем равнодушно). Воздух был резкий и холодный, он пах прелой корой, березовым соком и той острой свежестью, от которой вдруг начинает щемить в груди.

И там, среди голых черных ветвей, с которых срывались и шлепались в мутные лужи тяжелые капли, мы вдруг заговорили.

Сначала это были те же привычные, мертвые слова, но с каждым шагом, с каждым порывом ветра, обжигавшего нам лица, с них спадала шелуха. Я посмотрел на тебя — по-настоящему посмотрел, впервые за все эти годы! — и увидел, как разрумянились от холода твои щеки, как выбилась из-под шляпки прядь, как в твоих глазах, где отражалось высокое бледное небо, мелькнула внезапная, беззащитная искренность.

Мы говорили так, словно завтра нам предстояло умереть. О чем? Теперь я не смог бы пересказать этого по порядку. Ты рассказывала, как девочкой, в имении под Лугой, пряталась от гувернантки в пустой нетопленной бане и сидела там до темноты, потому что только там от тебя ничего не требовали. Я рассказал тебе то, чего не говорил никому: что на

похоронах матери не проронил ни слезинки и потом много лет гордился этим, как гордятся хорошими манерами. Ты не ужаснулась. Ты только спросила: «А теперь?» — и голос твой дрогнул, и в ту же секунду рассыпалась вся моя многолетняя броня. Я слушал тебя, и мне казалось, что я пью из ледяного родника после долгих лет скитаний по отравленной пустыне. В тот час, в сыром, едва оттаявшем лесу, совершилось таинство: две души узнали друг друга — поздно, сквозь годы и ошибки, но узнали.

С тех пор прошло всего несколько месяцев — срок ничтожный. Но в эти месяцы вместились больше жизни, чем во все мои прежние тридцать с лишним лет. Как быстро, как пугающе быстро мы сближались! Каждая встреча, каждое письмо, каждая случайно брошенная фраза были ступенями, по которым мы поднимались все выше, туда, где от счастья уже нечем дышать.

Теперь ты стала мне так родна, что я не умею этого объяснить. В каждом движении твоих рук, в твоем смехе, в твоей задумчивой, порой печальной улыбке — весь мой мир. Через тебя, моя милая, через твою чистую, страдающую и любящую душу пришло ко мне искупление. Я снова верю в людей, верю в ту Божью искру, что заложена в каждом из нас, хотя прежде видел в них одно уродство.

Я знаю теперь: жизнь полна скорби, болезней, предательства и смерти. Мир по-прежнему несовершенен и жесток. Но пока на земле существует любовь — та, что заставляет

человека забыть о себе, отречься от жалкой своей гордыни и пасть на колени перед красотой чужой души, — этот мир оправдан. И если мне суждено завтра исчезнуть, я уйду с благословением на устах, ибо я жил, ибо встретил тебя в том апрельском лесу, ибо любил.

Если бы ты знала, моя бесконечно любимая, как переменялся для меня в те первые недели нашего тайного, почти пугающего сближения самый облик этого огромного, равнодушного города! Прежде он казался мне громадной бессмысленной машиной, которая перемалывает человеческие судьбы. Я задышался в нем. Меня физически мучило от запаха раскаленной мостовой и железных крыш, от кислой въедливой пыли, что оседает на губах в сухие летние дни.

Бывало, я с брезгливой тоской смотрел на эту вечно спешащую потную толпу: на мелких чиновников с желтыми желчными лицами, на крикливых торговков, на франтов с пустыми оловянными глазами, на измученных лошадей, которых хрипло бранили побагровевшие от натуги извозчики... Все это казалось мне торжеством мирового уродства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.